

ным свойствам человека позволяет рассматривать его в контексте сущности человека, которая проявляется в его сущностных силах» (11).

В децентрированной системе мира человек не может быть понят иначе как рядовое, случайное явление, лишённое своей глубинной сущностной природы. Однако эта «бесовская текстура» (термин Р. Барта, фиксирующий любую ризоморфную организацию, не имеющую устойчивой структуры и центра, а значит, и определённости значения), однако, неадекватна сложности мира. Уникальность и единичность человека не может быть понята вне связи с всеобщим в мире и человеке.

Поставив вопрос о возврате человека в аутентичное бытие, постмодернисты вырывают его из бытия, индивидуализируют, превращают в функцию языка. Разочарование в научных методах познания привело к бессубъектной философии, бессубъектному мировоззрению и к деконструктивизму как методу философствования.

---

1. Орлов В.В. Проблема научности в философии // Новые идеи в философии. Пермь, 2000. С.3.

2. Делёз Ж. Ницше. СПб., 1997. С.37.

3. См.: Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001. С.57.

4. Там же. С.57-58.

5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С.32.

6. Соссюр Ф. де Заметки по общей лингвистике. М., 2000. С.98.

7. См.: Там же. С.101.

8. Щедровицкий Г.П. Процессы и структуры в мышлении. М., 2003. С.60, 307.

9. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С.511.

10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С.88.

11. Берсенева Н.И. Язык и реальность. Пермь, 2004. С.165.

К.филос.н., доц. Н.В. Снетова
Пермский государственный университет

ФИЛОСОФИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ Н.Н. СТРАХОВА

В творчестве петербургского мыслителя Николая Николаевича Страхова (1828-1896) вопросы, касающиеся философии как науки, оказались связанными с его онтологическими, натурфилософскими и гносеологическими воззрениями, поэтому они решались в опубликованных работах косвенно, в контексте, прежде всего, исследования натурфилософских и гносеологических проблем. Однако, несмотря на то что рефлексия отечественного мыслителя относительно философского знания не получила концептуального оформления, во многих своих рабо-

тах он обращался к рассмотрению предмета, функций, методов философии. Свидетельство того, что философия как таковая являлась важным предметом размышлений отечественного исследователя и публициста, – опубликованная после его смерти незаконченная рукопись статьи «Письма о философии». Она непосредственно посвящена рассмотрению вопроса о предмете философии.

В названных набросках мыслитель выдвигает точку зрения, согласно которой предмет философии – Божественное. Примечательно, что по форме выражения мысли определение философии в этой работе напоминает формулировку И.В. Киреевского. Киреевский в статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» утверждал, что «философия не есть одна из наук и не есть вера», она проводник мысли между всеми науками и верой. У Страхова формулировка звучит следующим образом: «Философия не есть верование, чаяние или мнение, а понятие и наука о Божественном...» (1, с.788). Обращает на себя внимание, во-первых, то, что, согласно Страхову, философия является наукой, во-вторых, как наука она познает свой предмет, т.е. Божественное, средствами понятийного мышления. Таким образом, мы видим, что понимание философии и её предмета у Страхова и Киреевского принципиально отличаются.

Как понимается Божественное – как Бог? Философ исходит из того, что Бог, или абсолютное, есть бытие, и «нет иного бытия, кроме именно Бога». Следовательно, логично рассуждает мыслитель, «всё бытие, только потому что оно бытие, само в себе божественно, абсолютно, ни из чего другого не объяснимо и не произошло, но есть вечная истина и насквозь положительно» (1, с.788). Один Бог всецело наполняет сферу действительности. Мыслить нечто действительное вне Бога в таком случае «так же невозможно, как мыслить некоторую действительность вне действительности». Таким образом, по мнению Страхова, философия, предметом которой является Божественное, не является наукой о Боге как о некотором существе, которое существует лишь в мысли или только ею может быть достигнуто. Она есть «наука о единственной действительности». Поясняя свою мысль, в статье «Письма о философии» он уточняет, что Бог не может быть мыслимым, постигаться мыслью, не будучи «единственно положительным в действительном мире природы». Нет никакого другого мира, «в котором Бог еще совершенно особенно был бы действительностью, кроме именно настоящего и так называемого, действительного мира, и если Бог в этом мире не есть действительность, то он вообще не будет действительностью, т.е. не будет Богом» (1, с.790).

Вся аргументация Страхова направлена на то, чтобы доказать, что если предметом философии является Божественное как «единственно-положительное», то философия есть наука о «единственно-

действительном» в действительном мире или в мире природы. Иными словами, в рамках представленной логики философия может пониматься только как натурфилософия. «Если бы она не была натурфилософией, то она бы утверждала, что Бог есть только в мире мысли, следовательно, не есть то, что положительно в действительном мире или мире природы, т.е. она отвергала бы саму идею Бога» (1, с.790). Тем самым русский мыслитель отвечает философам, считавшим, что Бог есть чистая действительность, постигающаяся в мысли.

В «Письмах о философии» Страхов подкрепляет свой взгляд на предмет философии, обращаясь к гегелевской идее тождества бытия и мышления. По мысли Страхова, т.к. бытие есть истина и истина есть бытие, необходимо признать, что мыслимое философом должно *быть*, потому что должно быть истинно, – «что не есть, то неистинно». Следовательно, философ, мыслящий и говорящий о природе как о чем-то таком, что *не есть*, говорит не об истинном и даже говорит не истинно, ибо он неистинному, говоря о нём так, как будто оно существует, придаёт истинность, которой оно не имеет. Истинная философия, согласно Страхову, говорит о том, что существует, т.е. о действительной, существующей природе. Таким образом, получается, во-первых, что истинная философия должна называться натурфилософией, чтобы отличить себя от ложной философии, пребывающей в «не-действительном, т.е. в неистинном». Во-вторых, ценность предложенного подхода к предмету философии видится ему в том, что именно в натурфилософии «мы идём не только дальше простого мышления к познанию, но делаем ещё шаг и дальше познания... до совершенного совпадения мира, нами познанного, с миром природы». Примечательно, что он, следуя Гегелю, видит высшее удовлетворение и цель познания в точке, где идеальное стало и реальным, мир мысли стал миром природы. Аргументация подкрепляется обращением к примеру из этической сферы: точно также, убежден Страхов, исполнение нравственных требований достигается лишь тогда, когда они выступают для нас уже не как мысли, например, как предписания, но стали природой нашей души, стали в ней «действительными».

Влияние Гегеля видно ещё и в том, что Бог, как пишет русский органицист в ранней работе «Вещество по учению материалистов», является и предметом мысли тоже. По Гегелю, Бог должен быть постигнут в понятии, так же, как дух, природа, мир (2, с.51). Читаем у Страхова: «Понятие о Боге есть *понятие по преимуществу*, т.е. менее чем что-либо другое, доступно представлению» (3, с.475). Если это понятие, то, следовательно, оно познается разумом. Мыслитель в работах, не касающихся социально-нравственных проблем, не упоминает о вере, да и в анализе социально-философских проблем о христианской вере и религии говорит не прямо. К трактовке бога как понятия тут же присовокупляется ней-

тральное добавление, что «по самому обыкновенному пониманию» – от Бога все зависит, все от него происходит, он есть начало и смысл всего существующего. Заметим, говоря об обыденном представлении, Страховым употребляется понятие «*понимание*». Обратим внимание также на то, что говорится о его познаваемости: «для мышления он представляет глубочайшую глубину, крайнюю точку, до которой оно может достигнуть» (3, с.475). Представитель органицизма, направления, имевшего в генезисе связь с романтизмом, и охотно использовавшего романтический термин «тайна», пишет: «не глубочайшую *тайну*», а «глубочайшую *глубину*». Следовательно, изложенное позволяет констатировать, что Страхов признает возможность рационального познания Бога, и это знание, естественно, является высшим знанием.

Тезис о том, что предметом истинной философии, т.е. натурфилософии, выступает божественное, подтверждается Страховым историей развития самой философской мысли. Симптоматично, что в качестве предшественника в понимании предмета философии Страхов называет Спинозу. Последний заслужил похвалу русского мыслителя за то, что «признавал свое Богом наполненное учение за учение о природе». Иными словами, именно спинозовский пантеизм рассматривается русским философом как истинная интерпретация Бога и мира. Но, по его мнению, в системе Спинозы это учение не доведено до тождества с действительностью. Интересно, что в рукописи упоминается в качестве образца понимания философии и Ф. Бэкон как натурфилософ, но не встречается имя Гегеля. Впрочем, рукопись статьи весьма небольшая по объёму, т.к. не закончена.

Судя по представленной Страховым аргументации, можно сделать вывод, что в онтологии, сливающейся у него с натурфилософией, он выступает как пантеист, ибо исходит из убеждения, что все сущее, бытие и Бог совпадают, следовательно, познание мира есть познание Бога. Мыслитель отрицает существование особого божественного, потустороннего мира, для него мир природы и Божественное совпадают. Нашу оценку можно подтвердить ссылкой на четкое объяснение своей позиции самим философом. Отвечая на укор Л.Н. Толстого за пантеизм, который писатель «разглядел», прочитав книгу своего друга «Мир как целое», Страхов кается за этот грех. В свое оправдание автор книги признаётся Толстому в 1873 г., что приписывает пантеизму «величайшую важность, как прямо противохристианскому движению, которым воодушевлено все умственное» развитие Запада. Корень пантеизма, по его мнению, глубок неизмеримо. Но одновременно он пишет: «...нам неизвестна другая наука, кроме науки пантеистической. Все привычки нашего ума сложились в этом направлении, и я не вижу выхода, – вот моя беда» (4, с.22).

Думается, что уже представленные размышления Страхова по поводу предмета философии в духе пантеизма ставят под вопрос адекватность имеющихся в нашей отечественной истории философии оценок мыслителя как религиозного философа. Следует заметить, что при увеличивающемся внимании к персоне русского мыслителя, не столько в профессиональных историко-философских работах, которых немного, сколько в публицистике, в последние годы усиленно утверждается оценка его философии как, несомненно, религиозной по своей сущности. Такая оценка представляется слишком прямолинейной, не учитывающей реальной сложности и противоречивости взглядов мыслителя.

Его понимание пантеизма и отношение к нему точно выражены в приведенном отрывке из письма к Толстому. С одной стороны, он понимает, что пантеистическое мировоззрение является противохристианским, с другой – признает его мировоззренческую глубину. Оценка и признание примечательны тем, что к пантеизму Страхов в своих трудах обращался не раз, например в статье «Литературная деятельность Герцена», к тому же он был знаком с трудами Фейербаха, в которых немецкий философ-атеист показал логику развития этого феномена. Как показал Фейербах, эта логика привела к закономерному возникновению его, фейербаховской, антропологической философии, в которой место Бога занимает человек. Тем не менее, Страхову, знакомому с воззрениями автора книги «Сущность христианства», приходится встать на защиту пантеизма. Пантеизм, – полагает он, – «по своей общей и отвлеченной форме не содержит ничего страшного» и вполне согласуется с христианским учением. «Он предполагает только более тесную связь между Богом и миром, но затем существенно не изменяет отношений между ними». Пантеистическое мировоззрение так же, как и христианство, признает, писал Страхов, что все в мире зависит от Бога, всё им держится, судьба народов и всемирной истории управляется Божественной волей, события имеют таинственный, часто недоступный нам смысл (3, с.64). Естественно, понимая, что пантеизм потенциально содержит и иную логику, мыслитель делает необходимую ему оговорку. Ум человеческий, развивая пантеистические идеи, может придти к отождествлению своих понятий с понятиями божественными, и тогда получается взгляд, глубоко искажающий истину. Имеется в виду, конечно, антропологическое учение Фейербаха, которое, по мнению Страхова, гораздо хуже материализма.

Тем не менее, пантеизм позволяет ему утверждать, что познание мира есть, в конце концов, движение человеческой мысли к познанию Бога, что даёт возможность исследователю оставаться в поле науки. Вместе с тем в книге «Мир как целое» выражается прямое несогласие с Ньютоном, прибегавшим к помощи Бога в тех случаях, когда в научном механистическом объяснении мира возникали трудности. Страхов выражает убеж-

дение, что при объяснении какого бы ни было явления нельзя удовлетвориться словами: «так Богу угодно». Это значило бы просто отказаться от исследования (3, с.374). Можно заметить, что в данном случае он выступает как ученый, стремящийся объяснить мир из него самого. Более того, в указанной работе делается акцент на том, что наука, изучая мир, имеет цель – познать законы природы. Формулировка цели также типично научная. В.С. Соловьёв не случайно называл Страхова материалистом. Бог, по существу, выступает в страховской онтологии препозицией. Поэтому, с нашей точки зрения, утверждения, что философия Страхова носит религиозный характер, требуют оговорки. Взаимоотношения между религией и философией не всегда даже в западной философской мысли бывали ясными и однозначными, например, Лейбница, который сознательно развивал естественную религию, не оценивают, однако, как религиозного мыслителя.

Страхов рассматривает философию как науку наук. Он, очень высоко оценивая *гегелевскую философию*, считал последнюю соответствующей *всем требованиям философии вообще*. Какие же требования предъявляет к философской науке Страхов? Она не должна «заключать в себе каких-нибудь особых откровений, каких-нибудь таинств или гипотез, словом, не должна перестраивать жизнь и мир на свой манер или выворачивать его наизнанку. Здравое чувство тотчас отвергнет какое-нибудь учение о духах, о явлении мертвецов, или хотя бы учение о монадах...» (5, с.10). Обращает на себя внимание, что он исключает из философии элементы мистики, по крайней мере, это исключение артикулируется в ранней статье 1860 г. «Значение гегелевской философии в настоящее время». К тому же философия трактуется им как созерцательная наука, соответственно, философ, с его точки зрения, созерцает действительность. Но при этом в качестве идеала философа предлагается мыслитель, чья жизнь совпадает с его учением, поэтому, согласно Страхову, идеалу соответствуют стоики. Далее, по мнению Страхова, философия должна объяснять действительность такой, какой эта действительность является на самом деле, должна быть объяснением той самой жизни, которой мы живем и которую хорошо знаем. На этом основании монадологии отказывается в праве на открытие истины.

Гегелевская философия выступает воплощением философии как науки ещё и потому, что она характеризуется всеобщностью, представляет собой синтез, результат развития всей предшествующей философии. Поэтому она дает ключ к пониманию всех других систем, совмещает их в себе, являясь результатом развития философии. Примечательно, что русский исследователь в 1860 г. включает в *критерии философской науки и истории философии* требование системности и закономерной связи в развитии философского знания. Известно, что в России в этот период ещё

не создавались философские системы. К тому же философия выдающегося немецкого мыслителя отвечает всем требованиям философии, с точки зрения Страхова, потому, что отличается полнотою – «простирается на всю область мышления и истории ума». Кроме того, Страховым отмечается такая характерная черта гегелевской системы, как строгость: она не является совокупностью разрозненных частей, в ней все связано, определенно высказано.

Страхов, через изучение философских систем немцев-классиков приобретший высокую культуру мышления, демонстрирует отрефлексированное понимание связи философской науки и истории философии. Предмет философии и её природа раскрываются для нас в историческом развитии философской мысли. Следовательно, в понимании предмета такой науки, как философия, большую роль играет изучение истории философии. В его творчестве можно заметить устойчивое стремление к осмыслению тогдашнего состояния философской мысли. Он рассматривал философию как основу, квинтэссенцию духовной культуры, поэтому она являлась для него индикатором духовного климата и общественных настроений в Европе и в России. Мыслитель, давая общую характеристику положения дел в европейской и российской философии, отмечал, что образованные люди отвернулись от философии, считают ее вздором, она стала посмешищем для толпы. Однако такое отношение толпы к философской науке для нее не страшно. Она всегда была и всегда будет, по его мнению, доступною для немногих. Интересно, что у естествоиспытателя, самостоятельно занимавшегося философией, к 1860 г. уже сформировалось столь уважительное отношение к философскому мировоззрению, причем в условиях фактического господства позитивистского уничижительного отношения к нему. Страхов констатировал кризис западной философии.

Кризисное состояние философской мысли он объясняет тем, что «эти современные умы» отказались от философии Гегеля как устаревшей, ибо не поняли ее и кинулись искать новую философию. Такой новой философией, которая стала весьма популярной, оказалась философия Фохта, Бюхнера, Молешотта. На наш взгляд, заслугой Страхова являлось то, что в период необычайной популярности в России идей этих трёх представителей вульгарного материализма он выступил с критикой в их адрес. Вопреки господствующему увлечению образованной публики идеалист Страхов утверждал мысль о необходимости вернуться к гегелевской философии, демонстрируя её значение в мировом историко-философском процессе.

В ранних страховских статьях даётся оценка представителям вульгарного материализма. Отечественный исследователь характеризует Карла Фохта как натуралиста, «от рода не знакомого» ни с философскими,

ни с богословскими «тонкостями». Так же иронично он отзывается о Молешотте, который за новейшее открытие выдает известную истину, что мышление зависит от тела. Молешотт – физиолог, и публика, писал критик, зря принимает его работы за философские. Бюхнер ставится им еще ниже. Следует отметить, что у Страхова как историка философии, к сожалению, отсутствует содержательный анализ идей немецких ученых. В связи с оценкой творчества материалистов, а также Фохта, Бюхнера и Молешотта, Страхов делает, на наш взгляд, ценное и актуальное до сих пор замечание о необходимости отличать естественно-научные выводы от философских. О важности такого отличия свидетельствует ситуация, сложившаяся в своё время в отечественной науке и философии в оценке идей А. Эйнштейна и генетики. Однако, как правильно считал философ, чтобы понимать данное отличие, следует знать философию; мы бы сказали, нужно обладать определенной культурой философского мышления.

Оценивая в статье «Значение гегелевской философии в настоящее время», процветавшие в начале 60-х гг. разнообразные, даже противоположные, учения Страхов выражает убеждение, что ни одно новейшее философское учение не обещает великого будущего, все они, по верному его заключению, – результат разложения гегельянства. Согласно Страхову, следует вернуться к Гегелю. Он считает, что этот возврат намечается в немецкой философии в лице Куно Фишера. Заметим, что последний, конечно, гегельянец, но он является, прежде всего, историком философии. Судя по всему, русский мыслитель рано обратился к трудам К. Фишера, в 1861 г. он публикует первый перевод работы немецкого историка философии «Из истории философии». Затем с 1862 по 1865 г. им была проделана очень важная и нужная работа по переводу на русский язык «Истории новой философии». Было переведено 4 тома, перевод был сделан блестяще, поэтому эти переводы читаются до сих пор, хотя книги стали, безусловно, библиографической редкостью.

На основании высказанных Страховым представлений относительно философии можно сделать вывод, что, с его точки зрения, философия по своей сущности имеет статус науки, она является сферой понятийного теоретического мышления. Научное познание философ отождествляет с рациональным знанием. Характеризуя значение гегелевской философии, он указывает на решающую роль разума в познании мира. При этом приводится красивая легенда о том, как однажды солнцу донесли, что, несмотря на весь его свет, на земле все-таки много темного, например, по ночам бывает везде темно. Не доверяя доносу и желая проверить, не должно ли оно изменить свой образ освещения и светить как-нибудь лучше, солнце пошло осматривать места, на которые ему указали. Поднялось туда, где была ночь, и видит, что все светло; заглянуло под облака, в ущелья гор, в темные леса и видит, что и там все светло. Словом,

куда ни приходило солнце, везде было светло как днем. Тогда солнце успокоилось и стало светить по-прежнему. Страхов сравнивает солнце с разумом: «...стоит только указать разуму на что-либо темное, и самый взгляд разума будет уже озарением этого темного. Разуму, как солнцу, не нужно изменять своего образа действия, потому что он не виноват, если темно там, где его нет ...» (5, с.21).

Страхов, получивший биологическое образование, очень высоко оценивал методологическую роль философии. По нашему мнению, он внёс весьма существенный вклад в становление философии науки в России, продолжая традиции, заложенные первыми отечественными органицистами – Д.М. Велланским и М.Г. Павловым. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это решение им проблемы взаимоотношения философии и конкретных наук, к которой он обращается в статье «Значение гегелевской философии в настоящее время». Согласно Страхову, частные науки – части самой философии. Страхов обосновывает принцип единства философии и конкретных наук, в частности естествознания, исходя из натурфилософского представления о философии как науки наук, «центральной науки».

Какие аргументы приводятся в пользу такой точки зрения? Глубочайшая основа наук лежит в теоретических потребностях человека, а не в той пользе, которую приносят науки. Ученого заставляет пренебрегать выгодой, пользой «сладострастие мышления, философское стремление к постановке и разрешению вопросов». Наука, ученые представляют «нам разные степени понижения этого философского стремления, от глубочайшей думы до механического собирания насекомых, их определения, расположения в ящиках». Философ поверхностно объясняет глубинную основу развития науки. Все-таки в конечном счете наука движется практическими потребностями человеческого общества, и исторически науки возникают из потребностей общественной практики, пример – такая абстрактная наука, как математика. Если согласиться с тем, что учеными движет «философское стремление к постановке и разрешению вопросов», то возникает вопрос: почему это стремление им присуще?

Утверждение, что каждая наука – отдел философии, приводит мыслителя к противоречию, так как утверждается, что каждая наука существует отдельно, самобытно, любая из них может существовать и без философии. Утверждается, что нельзя требовать, чтобы науки покорились философии, они не послушаются «такого распоряжения». Остается не ясным: науки – отдел философии или самобытны? Страхов, на наш взгляд, исходит из неверной трактовки взаимоотношения философии и частных наук. Он трактует это взаимоотношение как взаимоотношение части и целого в соответствии с собственными натурфилософскими установками. Ошибка натурфилософского понимания взаимоотношения философии и

частных наук, которая была исторически неизбежной на определенных этапах развития познания, состояла в чрезмерно расширительном понимании предмета философии.

Для правильного понимания рассматриваемого взаимоотношения необходимо четкое разграничение предмета философии и частных наук, понимание специфики философского знания. Для правильного же понимания необходим диалектический подход к проблеме. Если исходить из того, что предметом философии является всеобщее, а предмет частных наук – особенное, то вопрос об их взаимозависимости будет решаться на основе диалектики категорий всеобщего и особенного. Тем не менее, следует отметить, к чести Страхова, что уже в этой работе видно понимание им специфики философского знания, – он указывал на такой его признак, как всеобщность. Но проблема специфики философского знания и философии как науки специально нигде им не рассматривалась. Согласно диалектическому пониманию соотношения всеобщего и особенного, всеобщее существует только через особенное, а особенное, частное, включает в себя всеобщее. Отсюда понятна диалектическая, необходимая взаимозависимость философии и частных, конкретных наук, которая вовсе не предполагает включение этих наук в философию. У Страхова частные науки зависят от философии как от общей науки, поэтому каждый, занимающийся частной наукой, должен быть знаком с философией. Но требовать, чтобы каждый специалист, прежде чем заниматься своей наукой, изучил бы философию, невозможно. И в этом философ видит проблему.

Если с общим решением, предложенным Страховым, проблемы взаимоотношения философии и частных наук, на наш взгляд, согласиться нельзя, то в конкретном анализе их взаимозависимости у отечественного философа очень много интересного и верного не только для того времени, но и для начала XXI в. Исследователь обращает внимание на пренебрежительное отношение естествоиспытателей к философии. Они зачастую смеются над ошибками, которые делают философы, и не замечают того, что в собственных науках часто царит «шаткость, неопределенность сведений». Философия в свою очередь, признаёт он, тоже горделиво обращается с подчиненными ей науками, но она зависит от них, «питается их лучшими соками». Однако объективно взаимозависимость есть. «Это взаимное влияние, – справедливо пишет Страхов, – происходит большею частью бессознательно, весьма хорошо было бы, если бы в это дело вмешалось сознание и, следовательно, подвинуло бы его вперед» (5, с.46). Проблема, которую осознал мыслитель, остается нерешенной, его пожелание до сих пор во многом остается пожеланием. Среди естествоиспытателей и в настоящее время сильны позитивистские настроения, распро-

странено негативное отношение к философскому знанию, непонимание методологической роли философии.

К чему ведет незнание философии и что дает знание философии ученым-специалистам, в частности натуралистам? В страховской статье «Значение гегелевской философии в настоящее время» совершенно верно подчеркивается, что естествоиспытатели очень часто делают логические ошибки, ибо не знают логики, а она является философской наукой о категориях, которыми пользуются все ученые. Натуралисты большею частью не умеют мыслить и не умеют точно выражаться, указывает он. Ведя исследование ощупью, руководствуясь чутьем, естествоиспытатели хотя и идут верным путем, но стихийно, «смысл, направление и цели дороги для них вовсе не ясны». Результатом бывает странная ситуация, которую описывает Страхов: иной ученый всю жизнь ставит опыты, ведет наблюдения, думая, что при наличии фактов выводы будут, но их – нет как нет. В результате, другой исследователь с логикой более строгой сделает выводы из фактов, которые он собирал.

Возможна и другая ситуация, описываемая Страховым. Не имея культуры теоретического мышления, не владея умением оперировать категориями, методологией познания, ученые тратят много сил и времени на споры между собой. Только отчуждение от философии, по его мнению, и с ним можно согласиться, породило и поддерживало споры, например, о единстве органического состава живой природы, о жизненной силе, о конечных целях и т.д. Он стремится показать полезность философской науки: «прямая и положительная польза от философии для естественных наук будет состоять именно в разъяснении тех понятий, которые постоянно встречаются в их науках, в уяснении смысла их категорий» (5, с.409)]. Натуралисты часто употребляют понятия «сила», «атом», «сходство», «различие». К перечисленным Страховым в 1860 г. мы можем добавить новые понятия, например: «информация», «информационное поле», «энергия», «система». Однако, по мнению Страхова, зачастую, не владея культурой мышления, ученые неверно употребляют эти понятия, расширительно или слишком узко трактуют их смысл, не понимают их взаимной связи. Но, несмотря на это, изучать логику они считают излишним. Ф. Энгельс гораздо позже выскажет ту же мысль в «Диалектике природы»: «естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории... то в итоге они оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругает философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений» (6, с.524-525).

Для овладения культурой оперирования понятиями отечественный философ советует обратиться к трудам Гегеля, ибо, как он справедливо указывает: «глубокомысленнее, всестороннее и прозрачнее трудно изложить значение и взаимное отношение категорий». Фактически он раньше Ф. Энгельса, но позже Герцена сформулировал мысль, что для развития гибкого теоретического мышления существует такое средство, как изучение истории философии. Страхов напоминает ученым о том, что философия специально занимается разработкой методологии научного познания, и они могут взять ее из философии уже в готовом виде, что, безусловно, ускорило бы развитие естествознания.

Таким образом, русский мыслитель, обращаясь к важной философской проблеме взаимосвязи философии и частных наук, делает акцент на зависимости последних от философии. Он показал, что овладение естествоиспытателями философией имеет плодотворные для науки результаты, позволяет естествознанию развиваться быстрее. Философия, вооружая натуралиста методологией научного исследования, дает возможность идти в научном исследовании не вслепую, а яснее и точнее понять цель и средства исследования, правильно обобщить накопленный эмпирический материал. Изучение философии, понял мыслитель, помогает натуралисту научиться теоретическому мышлению.

Осмысливая методологическую функцию философии, Страхов обращается к проблеме специфики философского знания. В развитии науки мыслитель выделяет два типа вопросов, проблем: одни – к разрешению которых наука постепенно продвигается шаг за шагом, и другие, мировоззренческие, – остающиеся, по его мнению, такими же неразрешенными на протяжении всей ее истории, как и в ее начале. К первому типу им относятся конкретные проблемы частных наук. Ко второму роду вопросов Страхов относит мировоззренческие проблемы, он их именует общими вопросами. Среди них называются два вопроса: «что такое вещество?» и вопрос о связи духовных и вещественных явлений. Выделяя два рода вопросов, Страхов, во-первых, отмечает, что они отличаются по сложности – общие вопросы сложнее конкретно-научных. Во-вторых, особенность таких проблем, как вопрос о веществе или о душе, с его точки зрения, в том, что они не анализируются, т.е. их невозможно разложить на частные вопросы, которые последовательно, один за другим могут быть решены. Эта сложность и целостность обусловлены тем, что в философских проблемах речь «идет о сущности предмета».

Со Страховым можно согласиться частично. Его правота в том, что философские проблемы действительно зачастую носят более сложный характер, нежели естественно-научные, в философии есть «вечные проблемы», которые решаются в ней на протяжении многих веков. Однако в их решении нельзя не признать прогрессивного движения, и в это движе-

ние огромный вклад вносит естествознание, частные, конкретные науки. Философское знание так же, как естественнонаучное, является относительным, его уровень развития, как известно, определяется многими факторами исторического характера, в том числе и уровнем развития естественных наук. Сложность и целостность, согласно Страхову, обусловлены тем, что в философских проблемах речь «идет о сущности предмета», а при решении вопросов второго рода, например вопроса об образовании земли, сущность предмета предполагается известной. Он делает вывод, что натуралисты не могут решать вопросов о сущности явлений, т.е. именно о том, что более всего нам хотелось бы знать.

Страхов прав в том, что объектом философского познания являются такие формы целостности, которые в частных, опытных науках разделяются на части и познаются по частям. Но объект-то изучения у философии, метафизики и опытных наук один, например природа. Однако предметом исследования выступают разные стороны объекта, и это уловлено Страховым. В его терминологии – философию интересуют общие вопросы. Можно сказать точнее – наиболее общее, именно универсальное является предметом философского познания, особенное – конкретнонаучного. Так как объект общий, но изучается с разных сторон, то философия и частные, опытные науки между собой необходимо связаны. Следует отдать должное Страхову, не так давно окончившему естественнонаучный факультет, ещё и в том, что он в условиях господства позитивистских настроений, эмпиризма среди натуралистов уже с первых своих работ настойчиво утверждает мысль о необходимости союза философии и естествознания, правда, с позиций натурфилософских. Они отчасти сказываются и в данном случае.

При этом, обратим внимание, что Страхов верно указывает на действительный момент зависимости конкретных частных наук от философии: конкретные науки всегда опираются как на готовые, на те или иные философские основания; к ним, как известно, относятся фундаментальные принципы и законы теории. Натуралисты исходят обычно не только из определенных онтологических, но и из гносеологических оснований. Известно также, что не всегда легко определить, философскими, мировоззренческими являются вопросы, проблемы, законы, принципы или конкретно-научными, ибо в каждой науке кроме философских существуют собственные теоретические основания и общетеоретические проблемы. Сложность разграничения философских и собственных общетеоретических оснований фундаментальных наук обусловлена отчасти тем, что эти основания иногда не совпадают, иногда такого совпадения не наблюдается. Страхов в статье «Об атомистической теории вещества» фактически ставит сложную методологическую проблему разграничения

философских и конкретно-научных вопросов, что можно поставить в заслугу начинающему философу.

Следует признать, что мыслитель очень удачно выбрал проблему строения вещества для достижения своих целей. Ее сложность состоит в том, что сама она является не философской, а естественно-научной – это фундаментальная проблема физики. Но как всякая фундаментальная проблема, тем более касающаяся структуры, строения материи, она имеет философскую мировоззренческую составляющую. Вопрос для анализа, который взял Страхов, тем более интересен, что, как известно, в течение многих веков в философии и естествознании исследователи смешивали два вопроса – философский – о сущности мира и естественно-научный – о строении мира. Это происходило потому, что в качестве материи бралось конкретное ее проявление, ее конкретная форма – вещество в виде мельчайшей его частицы, атомов.

Страхов, в частности, данную сложную ситуацию использует и исследует. Философия, верно констатирует мыслитель, выясняет сущность феномена, который ее интересует. Мы бы уточнили: в том смысле, что в философии выясняется его общая природа. Причем изучается проблема философией, эта наиболее общая природа, на основе данных всей системы знаний, поэтому философия и обладает способностью интегрировать накопленное человечеством знание, прежде всего научное. Например, в исследование вопроса о взаимосвязи души и тела вносят вклад такие науки, как эволюционная биология, физиология высшей нервной деятельности, психология. Но Страхов употребляет термин «сущность», который можно употреблять как противоположность явлению. Ему следовало, говоря об «общих вопросах», уточнить, что они касаются наиболее общей, фундаментальной сущности, сущности наиболее общего порядка. Без этого уточнения оказывается, что сущность предмета исследуется философами, а натуралисты отвечают на вопрос «как». Логика, с нашей точки зрения, требует признать, что только философия имеет возможность отвечать на вопрос «почему». Однако, что бы ни утверждали натурфилософы, естествоиспытатели стремятся ответить на вопрос «почему», изучают сущность природных явлений, но сущность менее общего порядка, нежели в философии.

Можно было бы, анализируя высказывания Страхова относительно ограниченности естественно-научного познания, указать на неточность употребления категории «сущность», но всё встаёт на свои места, если знать особенности его творчества. Чтобы разобраться в том, что мыслитель имеет в виду, заявляя, что «натуралисты не могут решать вопросов о сущности явлений», необходимо понять, на взгляды какого «писателя» опирается Страхов. В результате сопоставления взглядов и текстов мы пришли к выводу, что такой «опорой» выступает Гегель. Однако следует

иметь в виду, что в случае, когда русский мыслитель излагает решение проблемы, предложенное кем-то из великих философов без ссылок на них, и решение представляется ему, несомненно, истинным, он никогда не приписывает этого решения себе, а подает его как имеющуюся в философии истину.

Таким образом, мы замечаем во взглядах Страхова на науку явное принижение естествознания, что кажется странным для исследователя, защитившего магистерскую диссертацию по биологии, тем не менее, это так. Точка зрения, изложенная в статье «Об атомистической теории вещества», становится понятной, если мы поймем, что автор исходит из гегелевской натурфилософской точки зрения на естествознание, на структуру научного знания, тем самым его рационализм приобретает ту же историческую ограниченность, что и рационализм Гегеля. Так же, как и Гегель, правда, не очень четко (мы делаем это за него), он выделяет два типа научного знания, каждый из которых характеризуется специфическими категориями, понятиями, специфическими формами и способами познания. Страхов не отрицает эмпирические науки, но рассматривает их как *первый* уровень научного познания. Это знание он отождествляет с естествознанием, поэтому естественные науки им называются опытными. Такими опытными науками оказываются, например, физика, химия – науки, которые в современной системе научного знания, как известно, называются фундаментальными. Вслед за Гегелем Страхов принимает эмпиристский образ науки, тем более что в его время эмпиризм господствовал в естествознании. Не отрицая значение опыта, русский методолог науки, тем не менее, ограничивал познавательные возможности научного знания, опирающегося на опыт.

Достаточно высокая философская культура давала возможность Страхову занять сознательную позицию в философии и осуществить критическую рефлексию с его точки зрения иных, несостоятельных, мировоззренческих позиций. Выступая в целом с позиций философского идеализма, мыслитель в книге «Об основных понятиях психологии и физиологии» даёт критику субъективного идеализма, а в ранней статье «Об атомистической теории вещества» развёртывает критический анализ механистического материализма. Данная форма материализма отождествляется им с материализмом вообще.

Приступая к критике материалистического учения, автор отмечает две его особенности, отличающие материализм от всех, по его мнению, «настоящих философских систем», – бессознательность и бессистемность. Поэтому, согласно Страхову, материалистическое мировоззрение не может иметь философского статуса, ибо не удовлетворяет ни критериям научности философии, ни вообще критериям философского знания. Мыслитель исходит из положения, что материализм – это система,

«...основанная на деятельности представления, ограничивающая все познания этой деятельностью и потому отвергающая всякое другое *понимание* вещей» (3, с.435). Естественно, приняв такую посылку, как и многие противники материалистического воззрения, он считал материализм поверхностным мировоззрением. Философия, по Страхову, такой высший научный взгляд, который ставит и решает коренные вопросы знания и бытия потому указывает цель и направление частным научным исследованиям (7, с.ХХII).

---

1. *Страхов Н.Н.* Письма о философии // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн.1.

2. См.: *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. М., 1970. Т.3.

3. *Страхов Н.Н.* Мир как целое. 2-е изд., СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892.

4. Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова / Толстовский музей. СПб., 1914.

5. *Страхов Н.Н.* Значение гегелевской философии в настоящее время // Философские очерки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1895.

6. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20.

7. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки. Предисловие к первому изданию. СПб., 1897. Кн.2.

Студ. М.А. Сидорова
Пермский государственный университет

НЕОБРАТИМОСТЬ ВРЕМЕНИ

Мир состоит не из застывших, раз и навсегда данных вещей, а из процессов, представляющих собой последовательности состояний материальных систем во времени. Время – это форма бытия материи.

С понятием времени связано множество интересных вопросов. Один из них: Может ли время течь обратно? Машины времени из произведений фантастов навеивают идею о его обратимости, кроме того, такое предположение высказывается и учёными. Однако есть существенные доказательства невозможности обратного течения времени.

В реальной действительности все процессы живой и неживой природы, все процессы, связанные с жизнедеятельностью человека и развитием общества, необратимы. Мы живём в мире необратимости времени, эмпирически наблюдаем её, осознаём. Понимаем, что обращение времени было бы противоестественно: «мертвецы вставали бы из могил и оживали из пепла и праха в процессах, обратных горению и разложению, которые “всасывали” бы теплоту и электромагнитное излучение из окружающей среды» (1). Представление о необратимости времени,